

Потаенный Роман Ингарден

Польский философ Роман Витольд Ингарден (1893 – 1970) в той же мере мог бы считаться немецким. И не только потому, что часть его сочинений написана по-немецки, а сам он был учеником Эдмунда Гуссерля и, соответственно, продолжателем его феноменологической школы, но, скорее, потому, что немецкие философы первыми в нем распознали «своего». Уже в 60-е годы прошлого столетия его причислили к классикам: лишь избранные удостоивались чести получить заказ на публикацию своей научной концепции в престижном издательстве RECLAM. Так возникло у Ингардена «немецкое» исследование об ответственности, в Польше оно вошло (в переводе на польский, сделанном его учеником А. Венгжецким) в «Книжечку о человеке» (1972), обозначив «потаенного» Ингардена. Кстати, по-немецки был издан в 1931 г и первый научный труд, принесший философу мировую признательность, – «О литературном произведении»¹.

В Польше Ингарден – человек-легенда, хотя отношение к нему неоднозначно, особенно в среде молодежи. Некоторые готовы выбросить его «за борт современности», забыв о том, что Ингардену принадлежат важнейшие открытия не просто в сфере философии, а в пограничных с ней областях – прежде всего в эстетике, литературоведении, теории познания. В итоге – расширение границ и слом узкой дисциплинарной специализации. Возникновение такой междисциплинарной области, какой на сегодня является культурология, – безусловно, во многом заслуга Ингардена. Он обосновал понятия, ставшие ныне расхожими, и не помнят истоков, скажем, идентичности, заставившей заговорить о себе после Второй мировой войны. Ингарденовская рецептивная эстетика круто передвинула, как стрелки часов на циферблате – не просто историческом или философском, а в широком смысле гуманитарном, внимание с автора текста на читателя, обозначив новую эру в литературе и искусстве, раскрепостившую человеческое сознание: соавторство утверждалось как неприемлемая реальность бытия и творчества. Тем самым человек –

¹ *Ingarden R. Das Literarische Kunstwerk. Eine Untersuchung aus dem Grenzgebiet der Ontologie. Logik und Literaturwissenschaft. Halle, Niemeyer 1931.* См. Это сочинение по-польски: *O dziele literackim. Badania z pogranicza ontologii, teorii języka i filozofii, przeł. M. Turowicz, Warszawa, PWN, 1960.*

любой, профессиональный или обычный читатель, слушатель, зритель, автоматически становится соавтором, на самом деле есть им всегда, ибо каждый – соавтор Создателя. Воспринимающее лицо – все мы – получало законное право на индивидуальную интерпретацию, участие в действии, на которое раньше могло только взирать, быть наблюдателем, да и то с определенной дистанции. Далее, Ингарден обосновал и развил феноменологический реализм, определивший подход к онтологическим структурам (в том числе и художественного произведения) как системе бытия. Но именно с позиций реализма он «испытывал метафизическую тоску по Абсолюту» (Н. Лубницкий)². И вместе с тем дифференцировал понятие материального как: **само материальное, содержание** и чрезвычайно трудное для перевода, введенное им **наделение** (uposażenie).

Но, к счастью, у Ингардена гораздо больше оказалось сторонников, они называют себя его «детьми», а значит - «внуками» Гуссерля, и всё это – светлые головы. Ингарден для них, как принято говорить, - знаковая фигура: существует и действует Ингарденовское общество, в Кракове заметно бурлит философская жизнь его «закваски», позволяя ставить вопрос о своеобразии «Краковской школы». Ему посвящены два сборника статей: «Философские очерки»³ (1964) – по случаю его шестидесятилетия, и «Феноменология Романа Ингардена»⁴, приуроченная к годовщине его смерти. И всё же, его наследие, несмотря на то, что живы те, с кем он непосредственно общался, работал, сотрудничал, кого учил, похоже на огромное непаханое поле, обработанное лишь по краям. Даже «Словарь философских понятий Романа Ингардена»⁵ далеко не исчерпывает его научного потенциала, во всяком случае, к примеру, «наделения» - сложного ингарденовского термина, там нет. Да и сама его феноменология больше свидетельствует о том, насколько автор перерос эту дисциплину и вышел за ее пределы, являя себя больше ее воспитанником, чем представителем.

Ему вообще было свойственно такого рода трансцендирование – умение резко менять курс, границы поисков, ища себя за пределами себя, а в итоге – перестраивать жизнь и судьбу. Его тяга к исследованию пограничных областей заставляла расширять

² N. Lubnicki Sylwetka filozoficzna Romana Ingardena// Fenomenologia Romana Ingardena. Wydanie specjalne “Studiów Filozoficznych”/ IFiS PAN, Warszawa, 1972. S. 91..

³ Szkice filozoficzne. Romanowi Ingardenowi w darze, PWN, Warszawa-Kraków 1964.

⁴ Fenomenologia Romana Ingardena. .. Wydanie specjalne “Studiów Filozoficznych”/ IFiS PAN, Warszawa, 1972.

⁵ Nowak A. J., Sosnowski L. (red.), Słownik pojęć filozoficznych Romana Ingardena, Kraków, Universitas 2001.

собственные рамки действований. Не ограничивал себя одним городом, не замыкался одним университетом, одной средой. Еще в юности, ощутив мешающие идти дальше узкие, как ему представлялось, границы философии, которую изучал во Львове, смело покинул знаменитую «львовско-варшавскую» школу, возглавляемую тогда К. Твардовским, и отправился в Геттинген к Гуссерлю, чтобы стать его учеником, защитить под его руководством в 1918 г. докторскую диссертацию «Интуиция и интеллект у Анри Бергсона»⁶. «Эта встреча имела двойное значение: самое важное – он нашел для своей философии исходную позицию, метод и программу. Ему не надо было выкапывать фундаменты, достаточно было их укрепить, за то он мог позволить себе возводить здание целиком, не просто стены, но с вооружением вкуче, оснащая их всем необходимым»⁷, - писал о нем один из учеников Твардовского В. Татаркевич. Но еще важнее – он обрел мощную поддержку в лице гениального Гуссерля, став наиболее «весомым» его продолжателем (речь идет не столько о концепции – тут было немало расхождений, сколько об отношении к предмету исследования и взгляде на мир, а еще точнее – степени таланта). Более того, Ингарден не побоялся занять открыто оппозиционную позицию в отношении Гуссерля, чуть ли не превратился в его противника по вопросам борения реализма с идеализмом и всё той же трансценденции, оставаясь при этом его «доверенным лицом». Он выступал против гуссерлевской трактовки трансценденции, подразумевавшей лишь выход за пределы себя,⁸ и предложил собственную систему, включающую трансценденцию «структурную», «радикальную», «целого бытия», даже «не доступную познанию» и т. д.⁹. Думается, однако, его критика гуссерлевского идеализма несколько преувеличена. В послевоенный период реализм в его «неовариантах» всё больше распространялся по Европе и получил художественное воплощение в итальянском кино.

Интенциональность волновала Ингардена не меньше, чем трансценденция, - краеугольные камни любого феноменолога. Понятие интенциональности применялось им ко всякому художественному произведению - «интенциональному бытию», по его выражению, что позволяло точнее обозначить свойство человеческого способа познания – как научного, так и художественного, а также онтического, и в итоге –

⁶ Ingarden R. *Intuition und Intellekt bei Henri Bergson. Darstellung und Versuch einer Kritik.* Halle: Buchdruckerei des Waisenhauses, 1921. 177 S. *Польский перевод: Intuicja i intelekt u Henryka Bergsona//Ingarden, R. Z badań nad filozofią współczesną.* PWN, Warszawa 1963, s. 11-191.

⁷ *Tatarkiewicz W. Roman Ingarden // Fenomenologia Romana Ingardena...* S. 55.

⁸ *Tischner J. Studia z filozofii świadomości.* Kraków, 2006. Здесь предмет анализа – гуссерлевское «Я» трансцендентальное, которое Гуссерль называл «чистым субъектом».

⁹ *Słownik terminów i pojęć filozoficznych.* W-wa, 2000. S. 898.

экзистенциального. Это лучше всего характеризует Ингардена как личность, его человеческий и научный облик. Он не боялся сложностей и не избегал их, а с упорством и кропотливостью развязывал бесчисленные узелки, возникавшие на изнанке не только человеческого существования, но и его понимания, познания. По наблюдениям Татаркевича, Ингарден, занимаясь анализом способов существования мира, выявил 98 возможных его интерпретаций! И каждый из способов исследовал отдельно¹⁰. Гарольд Осборн, один из самых активных пропагандистов его учения и метода, назвал его сочинения «кладезем замыслов»¹¹, особо отмечая метафизическую и онтологическую проблематику произведения искусства у Ингардена, выделяя схематизм, понятие эстетического опыта, конкретизации. Никто другой, подчеркивает он, не вникал столь глубоко в феноменологию эстетического восприятия.

Философский труд кабинетного ученого не раз спасал от давящей реальности. В годы Второй мировой войны и оккупации Ингарден обратился к созданию толстого многотомного «Спора о существовании мира», чтобы не наложить на себя руки от сознания бесперспективности будущего, на деле доказывая, что «польский сопротивленческий дух жил и в научной среде тоже»¹². И отказался от немецкого языка, на котором предполагал писать работу, прежде всего из патриотических чувств, что не раз подчеркивал: этот поступок был не просто во славу родного языка, но и против немецкой оккупации. При этом постоянно испытывал свойственную, наверное, любому ученому, занимающемуся вроде бы абстрактными проблемами, жгучую неудовлетворенность тем, что делает, и вынашивал мечту написать что-то «более для людей», по собственному признанию¹³. Вопреки всему занимался распространением философских идей, в которые верил, выдвигая и обосновывая новые концепции, а по сути - укрепляя позиции философии. Был активным и деятельным. Защитив в 1924 г. докторскую габилитационную диссертацию, уже год спустя, по рекомендации своего первого наставника проф. Твардовского, начал читать во Львовском университете лекции, но лишь в 1933 получил звание профессора, познав изнурительность и унижительность подобного ожидания. Наверное, ему во Львове было, как и в молодости, скучно? В 1945 осел в Кракове, сделав его очагом современной европейской философии. В том же году принят в престижную польскую Академию

¹⁰ Tatariewicz W. Roman Ingarden... S. 56.

¹¹ Ibid. См. Также Słownik pojęć filozoficznych Romana Ingardena. Kraków, 2001. S. 71.

¹² Michejda H. Whitehead i Ingarden // Szkice filozoficzne Romanowi Ingardenowi w darze. PWN, Warszawa 1964. S. 15.

¹³ Gołaszewska M. Romana Ingardena filozofia moralności // Etyka, Kraków, 1971. N 9. S. 9.

Знания¹⁴; в 1958 – в Польскую Академию Наук (PAN). Он возглавлял Краковское отделение Польского Философского Общества (PTF), организовал Секцию эстетики при этом же обществе, много и плодотворно сотрудничал с журналами («Przegląd Filozoficzny» и «Studia Estetyczne» - в Варшаве, «Ruch Filozoficzny» – в Торуне, «Dziennik Literacki» - во Львове, «Znak» - в Кракове), а также с другими органами печати, которые представляли в разные годы польскую философскую мысль; был обязательным участником международных конгрессов и съездов по философии, эстетике, поэтике, киноведению, не говоря о феноменологии. Публиковался в Англии, США, Голландии, Франции, Италии. За такими масштабами мысль о человеке как таковом могла бы потеряться. Но получилось иначе. Он был любим и уважаем не только философами, едва ли не более всего его ценили литераторы, искусствоведы, художники, актеры: его открытия в области рецепции были одинаково важны как с научно-теоретической, так и с практической точки зрения. Ингарденское заявление о реципиенте – той категории людей, для которой пишут, рисуют, сочиняют и при этом с нею не считаются, ее не учитывают - обозначило подлинно демократический взрыв в науке, но... его масштабы не оценили. Между тем данный поворот определил последующее русло развития всего современного литературоведения, и стал проявлением гуманности во всех отношениях, расширив специфику области искусства и возможности текстуального изучения, обогатив герменевтику и сделав из рецепции особое явление, феномен человеческого «я». Так исподволь складывалась его «философия человека», которая, в сущности, питает все его труды, какими бы отвлеченными, на первый взгляд, они ни казались. Понимание, что человек, создающий личность, представляет собой довольно сложную, иерархически выстроенную и отчасти изолированную систему высшего порядка, состоящую из множества низших систем, до сих пор не освоено антропологией и ее разделами – психологией, анатомией, физиологией человека - сокрушался Ингарден. Нельзя сказать, чтобы в наши дни был сделан в этом направлении заметный прорыв. А он о нем мечтал, постоянно помня о трагической судьбе человека, гениальности и законченности его бытия. Человек, в принципе, «распоряжается только двумя возможностями победы над Природой. С одной стороны, может познать себя самого и окружающую его Природу в ее собственной сущности, истинной и оригинальной. А с другой – реализует своим усилием, своими победами и даже своими поражениями

¹⁴ Polska Akademia Umiejętności (PAU) – первоначально возникла как **Академия Знания** в Кракове в 1871 г., с 1919 г. – **Польская Академия Знания**.

ценности Добра и Красоты, которые в действительности проявляют себя только в интенциональных делах, в них находится по существу некая высшая реальность, по сравнению с миром самой Природы. И человек служит реализации этих ценностей. И если ему удастся, сохраняет в себе дух уверенности, что живет не напрасно»¹⁵.

Именно к человеку, его природе и личности обращена «Книжечка о человеке» - не к читателям или коллегам-философам, и речь в ней идет о сугубо человеческом. «Человек есть единственное создание, которое может творить дела и создавать ситуации, не выгодные для него ни с какой точки зрения. И создавать их только ради их красоты и ради того, чтобы обогащать ими существование специфически человеческого мира»¹⁶, - эта мысль Ингардена в его философскую эпоху, больше стремившуюся доказать смерть человека, обрыв его бытия, закатывающуюся витальность, звучит несовременно и мужественно. Этот пафос во славу человеческого сильно выделяет ее из всей европейской философии вообще и придает самой польской философии своеобразие и высоту. «С упорством придерживаться своего языка, своего способа понимания, собственной оценки – это как раз и есть то отсутствие внутренней свободы, которое делает иллюзорной всякую попытку дискуссии между людьми», - почти прокричал он в крошечной статье «Несколько слов о плодотворности дискуссии», почти что манифесте современного ученого. В те времена этот призыв был брошен едва ли не в пустоту, ибо – в мир, которого не было рядом, но в который Ингарден верил, продолжая отстаивать принципы истинного знания. А ведь кроме прочего, это был простой призыв – чтобы «люди с людьми» умели понимать друг друга и не «зацикливаться» на своем. Потому что сам он был – подлинным, искренним, настоящим – таким увидел его впервые молодой тогда студент Ежи Пежановский и запомнил на всю жизнь. Если иметь в виду, что его философское начало складывалось под непосредственным влиянием и при участии Ингардена, первое впечатление не обмануло: «Словно воплощенная харизма кружила по улицам Кракова»¹⁷.

В какой-то степени «Книжечка» снимает тень могучего Гуссерля с не менее мощной фигуры Ингардена, которому не раз отказывали в самостоятельности поисков, закрепив за ним репутацию чуть ли не эпигона, хотя он был честным и последовательным его продолжателем, оставаясь верным главной его позиции:

¹⁵ Ингарден Р. Книжечка о человеке. Москва, Изд-во МГУ, 2007. С. 5.

¹⁶ Там же... С. 6.

¹⁷ Perzanowski J. Garść wspomnień o Wielkim Filozofie // Od teorii literatury do ontologii świata. Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. Toruń, 2003. S. 355 - 387.

философия – наука строго выверенных понятий и абсолютно независимая. «Книжечка» вышла уже после смерти Ингардена, ученый не успел ее увидеть, будто им самим она была вынесена (говоря языком того же Гуссерля) за скобки. Такого рода «редукция» лишь высвечивает внутреннюю направленность автора: Ингарден, которого «смутная конкретность» гуссерлевского субъекта интересовала не меньше, чем его Наставника, больше всего думал о человеке и его специфике, но в своеобразном – эпистемологическом ключе, соединив тем самым природу сущностного с познанием (и познаванием произведения), а говоря точнее – онтическое с эпистемологическим. В какие бы отвлеченные дали он не уходил в поисках онтических и онтологических основ, фактов и определений, сводя воедино и разводя реальные предметы и идеальные сущности, он оставался верен «фундаменту человеческого в человеке» в его связях с миром, осознавая «трагичность» положения человека «как познающего, как нуждающегося в радикальной эпистемологической уверенности и как не находящего окончательных эпистемологических ответов, а в силу этого прибегающего к “спасению” в укоренившемся и вытекающем из доминировавшей философской традиции “комплексе иллюзии”»¹⁸. В его эпистемологических рассуждениях нашел отражение процесс теоретического мышления, поиск подхода и способов к нему относительно изучаемого предмета. «Познавание и то, что познано, может в определенных и отдельных случаях создавать единое целое, в котором обе эти проблемы выделяются как несамостоятельные его моменты». Исходный пункт теории познания для Ингардена - «интуиция переживания»¹⁹. Отсюда его непреходящий интерес к природе творчества – области, как бы соединяющей в себе эти дисциплины, и огромная роль, которая отводится им вопросам морали и этики, внутренней сущности человека, побуждающего его быть тем или иным, реагировать на происходящее с той или иной мерой ответственности. Да и сама ответственность – явление сложное и многообразное, она может быть личной, моральной, правовой, социальной, профессиональной, экологической. Таков плюрализм мира.

Но, пожалуй, один из самых важных критериев в системе Ингардена (и глава в «Книжечке») – связь ответственности со временем. Вообще его рассуждения о времени – лучшее из написанного им, и кажется, так думают все. Феноменальность характера

¹⁸ Абушенко В.Л., Можейко М.А. Ингарден // file: // E:\ Documents\ Ingard\ Яндекс_Словари Ингарден. Htm. С. 4.

¹⁹ Gołaszewska M. O Ingardenowskiej epistemologii // Zeszyty Naukowe UJ. Prace filozoficzne – Z. 4: CCCLVIII, 1974. S. 63-79.

времени в том, что оно «способствует моему хождению как бы по всесторонней действительности»²⁰.

Человек, утверждает Ингарден, являет себя как тело, личность, субъекта – в качестве предмета, длящегося во времени-вещи, представляя собой, в целом, относительно изолированную систему, но – и это принципиально – абсолютно свободную в своих решениях и в поступках личность. А это значит, что ее собственный поступок, при всей структурной специфичности мира, диктует и соответствующий способ поведения. Следовательно, поступок создает личность, вытекает из ее инициативности. Эту же мысль, но совсем другим способом и методами утверждает другой современник и коллега Ингардена – Кароль Войтыла (Папа Римский Иоанн Павел II) в антропологическом трактате «Личность и поступок»²¹. Обоих сближали не только поиски главных основ человеческого бытия, но и выводы, к которым приходили независимо друг друга, в частности, в трактовке призвания как главной сути человека и его существования. «Стать человеком, посредничающим между тем, что есть только «природа», и тем, что он только лишь приблизительно, как бы в отблеске может почувствовать в выявленных и воплощенных собой ценностях»²².

Неустанное желание Ингардена обозначить «родовые моменты» ценностей, отношение к которым, и формирует личность, побуждают Ингардена сделать следующее заключение: ценности как часть общей онтологии существуют объективно, со своей иерархией, не зависят ни от своего носителя, ни от оценки, какую им дают. Ингардена, с его склонностью к структурному мышлению, более всего занимала идея систематизации ценностей, сгруппировать которые – его исходная позиция – можно при условии одновременного наличия разных ценностей²³. Способу рассмотрения и размежевания ценностей (между собой разнятся, естественно, ценности эстетические и моральные, и если эстетические «просятся» к осуществлению, то моральные – к реализации²⁴) Ингарден посвятил несколько статей, одна из них – «Чего мы не знаем о ценностях» - включена в предлагаемую «Книжечку», во многом, по рекомендации его ученика, священника и философа Юзефа Тишнера, отзыв которого на эту работу Ингардена также прилагается. По Ингардену, этика «курирует» человеческую

²⁰ Ингарден Р. Книжечка о человеке... С. 17.

²¹ Кароль Войтыла (Папа Римский Иоанн Павел II) Личность и поступок. М., 2007.

²² Ингарден Р. Книжечка о человеке... С. 12.

²³ Makota J. Wartości estetyczne a wartości moralne w filozofii Romana Ingardena // Etyka, 1986. N 22. S. 183-194.

²⁴ См. на эту тему, в частности, Pawlica J. Próba rekonstrukcji i „przekraczanie” aksjologii Romana Ingardena// J. Lipiec (red.), *Ontologia wartości*, Lublin 1990, s. 123-134.

деятельность как возможность реализации нравственных ценностей. Свою роль играют здесь особенности строения мира и человеческого сознания. Ингарден упор делает на природе и индивидуальности человека, подчеркивая, что личность нельзя свести к «сумме переживаний»: у нее «субстанциальный» характер²⁵. И хотя нравственные ценности существуют объективно, они заключены в субъекте.

Ингарден, будучи первопроходцем, зачастую со своим тяжелым, функционально адекватным и точным, но мало доходчивым и разработанным языком, лишенным легкости стилем, не раз продирался сквозь сплошные заросли и болота, чтобы торить пути и открывать людям мир, а миру – людей в той мере, в какой это есть на самом деле. Его открытия, мимо которых прошли его современники, например, о зверо-человеке (глава «Человек и природа»)²⁶, по сути своей революционны и далеко еще не осмысленны, они породили множество последователей, среди которых немало полемистов. В их числе был и упоминаемый уже Юзеф Тишнер, написавший в виде концептуально развернутых реплик по адресу Учителя «Спор о существовании человека»²⁷, переименовав знаменитый ингарденовский «талмуд» «Спор о существовании мира»²⁸.

В нашей стране Ингарден не только не изучался, но даже и мало переводился, он почти не известен, несмотря на то, что его заслуги перед современным гуманитарным мышлением неизмеримы. Исключение составляет цитируемая справка о нем в Словарях Яндекс в Интернете, в которой его научный облик представлен полновесно

²⁵ Gołaszewska M. Ingardenowska koncepcja osoby // Studia Filozoficzne, 1975. N 7 (116). S. 125 – 140.

²⁶ К аналогичным выводам приходит русский богослов и библист о. Иннокентий Павлов, который, в частности, пишет: «Оставление нарушившего Божий завет человека в одном ряду с прочим животным миром через подчинение его законам последнего, главным признаком чего выступает смертность, находит здесь ещё то проявление, что человек теперь сталкивается с необходимостью выбора, которая со всей остротой встала перед старшим сыном Адама и Евы Каином: сохранить ли ему признаки своего богоподобия, слушая голос Божий, звучащий в его совести, и, следуя ему, поступать по справедливости, или же следовать побуждению своей души, каковым в данном случае выступает зависть. Бог напоминает Каину о первом призвании человека, говоря, что он способен обуздать грех, т. е. **то, что противно Богу в человеке как в существе подобном Ему** (Выделено мною - *Е.Т.*). Однако Каин выбирает второе, и в безрассудном порыве убивает своего брата (Быт 4:8). Именно с **события Авеля** Августин в своём обширном трактате «*О граде Божьем*» начинает историю домостроительства* спасения, находящую завершение во Христе, прообраз жертвы Которого являет собой убитый Абель (15.18), тогда как историю человеческой цивилизации он начинает с Каина (15.5). Нам же теперь ввиду как исторического опыта, так и имеющихся научных знаний о человеке, можно было бы говорить в связи со сказанным о **зверочеловечестве**, явившемся с библейской точки зрения следствием человеческой грехопадности. На это, как раз, обратят внимание псалмопевцы – сыновья Кореявы, отметившие, что в своём стремлении к самоутверждению (буквально: *чести*) человек становится как *бессловесное животное* (Пс 49 (48):13)» - См.: Павлов И. Что такое христианство. В печати. Глава 6.

²⁷ Тишнер Ю. Довериться своему существованию. // Тишнер Ю. Избранное/ Т.1: Мышление в категориях ценности. М., 2005, с. 34 – 39 и далее.

²⁸ Ingarden R. Spór o istnienie świata. Т. 1-2. Kraków, PAU, 1947, 1948.

и зримо, однако без ссылок на конкретные работы все сказанное повисает в воздухе: очарование своеобразия уходит.

Ингарден – чистый философ, но направленность его интересов обширна и однозначно ее не определить. Он как бы везде и во всем находился на пограничье (чему во многом способствовало личное качество его ума – аналитичность): онтологии и экзистенции, эпистемологии и эстетики, реализма и структурализма, «строгой науки» и человеческого бытия, конкретизируя семиотику, выявляя сложность взаимодействия человека и мира, в конечном счете, творя свой собственный экзистенциально-феноменологический дискурс.

Область его знаний подразумевает онтологию, теорию познания, логику, методологию, аксиологию, эстетику, философию языка и литературы, но главное – в широком смысле философию человека, на которой покоятся все эти направления, ею питаемые. И одно дополняет другое, обогащает опыт.

Его относят к феноменологам, хотя его теория, метод и область исследования шире феноменологических. Ингарден давно переступил порог отношения к изучению мира как только к явлениям, данным непосредственно и в созерцательности. В отличие от Гуссерля, который в своем поиске истоков познавательного акта устремлялся к тому, чтобы схватить «положение вещей», Ингарден делал упор на объективации эйдоса, сущности, взвалив на свои плечи, почти как Геракл, мощь и объем мира (разумеется, у него тут были свои сторонники в лице, например, Эдит Штайн) как способа существования. Отсюда само понятие явления обрело в его трудах совершенно особый смысл: обязательно в соотношении с чем-то, на фоне чего-то, в контексте. Таков тип его мышления – внешне строго формальный, но внутренне глубоко гуманистический. Не случайно, что на Родине у него немало продолжателей, развивающих его научные положения: Изидора Домбская, Владислав Стружевский, Антони Стемпень, Ежи Галэцкий – с некоторыми их работами, мы надеемся, нам удастся познакомить нашего читателя.

Ингарден запомнился превосходным преподавателем, на лекции и семинары которого приезжали специально, в них была скрыта часть его гуманистики. Свои лекции он читал легко и свободно, сидя, почти не заглядывая в записи, и смотрел в зал, на слушателей, словно вместе с ними проводил свои исследовательские испытания, в форме диалога. Он нуждался в реакции, в понимании, в восприятии, которому посвятил себя. Это было не просто свойство его природы, а отражение его глубоко спрятанной личной концепции, сделавшей упор на рецепции.

Общительный и открытый, он был во всех отношениях светским, любил богему, театр и художников, пользовался у слушателей неизменным уважением еще и за то, что с подчеркнутым пиететом относился к философскому наследию, корректно и добросовестно цитируя классиков, какие бы научные претензии у него к ним ни были²⁹. На самом деле он был мастером методологии, ибо свои труды и лекции он не выстраивал даже, а ваял, на ощупь предвидя результат. Ибо исходил не из желания запечатлеть во всех возможных связях и оттенках как таковое бытие (экзистенциально, онтологически, эпистемологически, аксиологически, эстетически и т.п.), а потому что знал: бытие именно таково – органичное и сложное, и именно таким его следует изучать. Отсюда тематическое разнообразие (и многообразие!), а вместе с тем целостность написанного им, ибо любая выдвигаемая идея так или иначе соприкасается со всеми остальными. Больше всего поражает внутренняя связь всех его работ, их взаимосочетаемость, и каждая на каком-то определенном этапе становится главной, ведущей. Схема его сочинений, превосходно воссозданная Д. Герулянкой³⁰, напоминает человеческий организм, который служит Ингардену («Об ответственности») примером органично выверенной системы, со своими видимыми и невидимыми органами, частями тела и его членами: вроде бы все знакомо и узнаваемо, но по-прежнему неведомо. Развивающиеся в разных направлениях его онтология, метафизика и теория познания соединяются через проблемы языка и его художественных функций, литературы, искусства, ценности, наконец, времени, которое, в свою очередь, складывается из события, процесса и длительности.

Эффектный, с «благородной внешностью сенатора» (Е. Пежановский), хоть и не был высоким, лоб мыслителя обрамлен гривой седых волос, и пронизательно смотрящие из-под густых бровей глаза – живые, приветливые, смеющиеся, взгляд – со склонностью к самоиронии. Четкий, организованный, не жалел времени на самые незначительные профессиональные встречи и собрания, и всегда привлекал женщин, среди которых много талантливых и вдумчивых исследовательниц и последовательниц его дела. Его бывшие аспирантки – имена мирового класса: Данута Герулянка, Анна Тереза Тыменецкая (многие годы возглавляла «*Analecta Husserliana*»), Мария Голошевская, Янина Макота, В письменном столе Ингарден хранил, как реликвию,

²⁹ *Krońska I.* Wspomnienie o Profesorze Ingardenie w pierwszą rocznicę jego śmierci// *Fenomenologia Romana Ingardena...* S. 59-70
S. 59-70

³⁰ *Gierulanka D.* Filozofia Romana Ingardena. Próba wnikięcia w strukturę całości dzieła//*Fenomenologia Romana Ingardena...* S. 71-90.

письма к нему Эдит Штайн, его близкого и дорогого друга, ученицы и ассистентки Гуссерля, она была его «проводницей по феноменологии и нюансам немецкого языка»³¹. Впоследствии он посвятил ее памяти специальную статью, рассматривая сделанное ею в ряду выдающихся исследований и сокрушаясь, что личная ее трагическая судьба (мученица Освенцима, ныне провозглашена святой) в какой-то мере сокрыла от современников ее философский дар³². Их общение – отчасти счастливое, а отчасти горькое, наполненное доверием и вместе с тем уводившее друг от друга, по-человечески богатое и невидимое – еще одна сторона «потаенного» Ингардена, жизнь которого, чем больше ею занимаешься, тем интереснее предстает. Его умели любить – красиво, полнокровно, самозабвенно. А это и есть оценка личности и, соответственно, созданного.

В настоящее время в Польше вышло 14 солидных томов сочинений Ингардена, начиная с рецензии на Гуссерля, опубликованной в 1915 г., и кончая его последней работой «Об ответственности», впервые увидевшей свет в 1970 г. В том числе и два издания «Спора о существовании мира», (всего их 3, 1-е в 1947-1948, затем в Собр. соч. два издания, 1960-1961 и 1985), причем в первом издании – без третьего тома, во втором – уже с третьим томом.

Ингарден был глубоким, проникновенным ученым, вообще – преданным «служаккой»: автором предисловий, редактором, ему принадлежат критические работы о Гуссерле и Твардовском, медиевисте и дантологе о. Константы Михальском, а также первоклассные переводы философской литературы, в том числе И. Канта («Критика чистого разума» и «Критика способности суждения»), хоть и не причислял себя к его поклонникам. Писал о М. Шелере и переводил его («О феномене трагического») и др., призывая коллег не жалеть себя, не экономить своего времени, у которого особый счет. Пока работаешь, творишь, - у тебя есть способ себя трансцендировать, не замыкаясь на сделанном, ибо главное и важное – всегда за порогом личных возможностей и интересов: «Ингарден меньше говорил, а больше делал»³³. Когда после его прощальной лекции (в 1963 г.!) к нему подошли с цветами студенты, чтобы его поблагодарить, он

³¹ Perzanowski J. *Garść wspomnień...* S. 369.

³² Ingarden R. „O badaniach filozoficznych Edith Stein (12.10.1891 – 9.8.1942)”, *Znak*, 1971. № 4, s. 389-409. немецкий перевод: *Über die philosophischen Forschungen Edith Steins // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie*, 1979. № 2-3, s. 456-480 и в сборнике *Edith Stein – Eine grosse Glaubenszeugin*, Annweiler: Piger 1986, s. 203-229. А также: *O badaniach filozoficznych Edith Stein // Znak*, Kraków, 1988. S. 155 – 180.

³³ Perzanowski J. *Garść wspomnień...* S. 373.

заплакал, признаваясь, что занятия, которые проводил более сорока лет, были ему не менее нужны и важны, чем им.

Он умер в возрасте семидесяти семи лет 14 июня 1970 г., не чувствуя себя старым. Не каждому может повезти так, как повезло Ингардену: его хоронили (а по-нашему отпевали) лучшие умы его времени: кардинал Кароль Войтыла (позднее Папа Римский Иоанн Павел II), ученик и «домашний» священник Юзеф Тишнер, а также директор знаменитого Гуссерлевского архива в Луване Герман Лео Ван Бреда. И это было символично.

Есть у Ингардена блестящий пассаж, написанный в годы Второй мировой войны, – во славу тех возможностей человека, которые сотворяют его личность, но и как предостережение от легкости падения. Хочется, чтобы его прочитал каждый:

«Однажды возникнув, безотносительно, из какой власти и на какой основе, я есть сила, которая сама себя множит, сама себя строит и сама себя перерастает, в той степени, в какой способна собраться, а не рассыпаться на мелкие минуты, подчиняясь страданию или отдаваясь удовольствию.

Я – сила, которая, живущая в теле и телом же используемая, носит на себе следы тела и не раз подлежит его действию, но вместе с тем раз это тело поработив, способна обратить все свои возможности на усиление себя самой.

Я – сила, которая однажды была выброшена в чужой для себя мир, этот мир она присваивает себе и даже более – из того, что остается, создает новые, необходимые для жизни создания.

Я – сила, которая хочет зафиксировать себя – в себе, в своем деле, во всем, с чем встречается, чувствуя, что хватит лишь одной минуты для ослабления напряжения или забвения, и саму себя разобьет, саму себя утратит, уничтожит.

Я – сила, которая в тоске придумывает самые большие сокровища восторга и счастья и стремится к их осуществлению, но готова от всего этого отказаться за одну возможность продолжать быть.

Я – сила, которая противится судьбе, когда чувствует и знает, что своим свободным поступком вызывает из небытия то, что останется после нее, когда сама она сгорит в борьбе.

Я – сила, которая хочет быть свободной. И даже свою длительность хочет посвятить свободе. Но живущая под напором других сил, обступающих со всех сторон, сама в себе находит зародыш неволи, стоит лишь ей разрядиться, пренебречь

усилиями. И утрачивает свою свободу, если привязывается к себе самой. Длиться и быть свободной может она только тогда, когда добровольно предаст саму себя на создание добра, красоты и истины. И только тогда существует»³⁴.

³⁴ *Ингарден Р.* Книжечка о человеке... С. 27.